

Опять начиная хмуриться, я улыбнулся:

— Это ведь ты сам просил правду, а правда всегда ранит сильнее всего. Даже если всё, что я нагадал — правда, второй брат по-прежнему остаётся дорогим мне человеком. Но моя гордость не позволяет мне быть пешкой в чужих руках и ступенькой для чужого восхождения, моё самоуважение не позволяет мне любить того, кто пренебрегает моими чувствами и использует их. Даже если этот человек — второй брат, с ним мы отныне пойдём разными дорогами.

Старший брат улыбнулся:

— Моя Жань'эр, такая сентиментальная и в то же время беспощадная, твоя гордость и твоё самоуважение ведь не позволят тебе любить того, кто причинил тебе боль? А как же я?

Я не мог вымолвить ни слова. Что я чувствовал к старшему брату?

Я ненавидел его за то, что он причинял боль второму брату, и сам делал ему больно; я боялся его — боялся его власти, боялся его мести и боялся его нежности.

И при этом между нами существовала самая тесная связь.

По сравнению с тем, что сделал я, он, можно сказать, вовсе не причинил мне вреда.

Что бы ни творилось у меня на сердце, со всеми остальными я всегда был вежлив, улыбчив, учтив и предупредителен. Но с ним всё было иначе: я ведь переживал за него, злился на него, искренне проливал слёзы и таял от его нежности...

— Старший брат ведь по-настоящему меня не обижал. Я не знаю, я к тебе, я к тебе... — я почти сбивался с толку, с мольбой глядя на него.

Старший брат вздохнул, так и не решившись меня дожимать:

— Я рад, что вчера не поднял на тебя руку, иначе бы действительно потерял тебя. Ты такой хрупкий и в то же время невероятно стойкий и сильный, такой умный, но вечно творишь глупости. Жань'эр, я эгоистичен: я не откажусь от тебя и не уступлю вас друг другу только из-за того, что ты его любишь. Я хочу, чтобы ты сдержал данное мне некогда обещание — именно поэтому я не тронул Мухуа. Я держу слово и требую того же от тебя.

Я кивнул.

Второй брат, второй брат, неужели ты и вправду думал, что внутри той формации безопасно? Да лишь потому, что старший брат сдержал слово! Это в последний раз, когда я помогаю тебе. И что с того, если ты освоишь непревзойденное боевое искусство и завладеешь несметными сокровищами? У тебя твой выбор, а у меня — моя стойкость.

— Ты ведь явился в Черный Замок тоже ради него? Каковы твои догадки?

— Старший брат ведь и так всё понял, верно? — я снова вздохнул. Пожалуй, старший брат догадался обо всём раньше всех.

— Я-то знаю, но хочу, чтобы ты сам сказал.

Я улыбнулся, вспомнив слова Дун'эр: старший брат наверняка боялся, что я затаю обиду в сердце, раз уж заставлял меня высказаться. На самом деле ночные слёзы уже смыли тягостную боль с моей груди.

— Хорошо, раз старший брат хочет услышать, я скажу. Второй брат не стал бы забирать мою внутреннюю силу: во-первых, от этого я бы погиб, а во-вторых, после передачи Божественное Искусство Свадебного Наряда теряет львиную долю своей мощи. К тому же я его толком и не освоил, так что мои силы и без того ограничены. Он лишь использовал меня, потому что я знал тайну тренировок, а сам-то он, судя по всему, начал заниматься этим давным-давно — пожалуй, ещё с того года, когда мне исполнилось десять.

После того года второй брат приставил ко мне Цуй'эр и велел нам больше не жить под одной крышей.

— И ту формацию мы обнаружили вместе, когда второй брат водил меня гулять. Тогда я как раз только начал изучать различные построения и страшно увлекся. Увидев её, я пришел в восторг и принялся ломать голову над тем, как её разрушить, а второй брат изо всех сил мне помогал.

Чем дальше я говорил, тем мрачнее становился. Ведь даже к изучению формаций меня подтолкнул второй брат.

— В тот день он запустил фейерверк, чтобы отвлечь вас и дать мне сбежать. Иначе где было бы отыскать столь сокровище и потаенное место для этой формации? О том, что вторая госпожа пыталась навредить мне, а третья госпожа — помочь, он тоже наверняка знал с самого начала.

Я закрыл глаза: как же невыносимо оглядываться назад.

Теперь же все четыре формации разрушены, Божественное Искусство Свадебного Наряда освоено на шесть-семь десятков процентов. Сейчас он наверняка отправится туда, сперва полностью уничтожит собственные прежние навыки, по-настоящему овладеет Божественным Искусством Свадебного Наряда, а затем завладеет секретными трактатами и сокровищами, и тогда, и тогда...

По моему лицу текли слёзы, я больше не мог говорить.

Второй брат, как же мне оправдать тебя, чтобы обмануть собственное сердце? Ты действовал вовсе не так уж искусно, и то, что я до сих пор ничего не замечал, объясняется лишь тем, что я совсем не ждал от тебя удара.

Старший брат нежно стер мои слёзы.

— Старший брат, когда второй брат постигнет непревзойденные боевые искусства и заполучит несметные сокровища, он в первую очередь явится сводить с тобой счёты. Ты пощадил его ради меня, но тем самым вырастил себе грозного противника. И когда он станет силен, а ты — слаб, с чего ты взятия уверенности, что я и дальше буду хранить верность обещанию и останусь рядом с тобой? В конце концов, я ведь люблю второго брата, верно?

Старший брат расправил плечи и с улыбкой произнес:

— Неужели Жань'эр переживает за меня?

Эта фраза заставила меня лишиться дара речи. Вот уж кто умеет молчать до последнего, но если уж скажет — так сразу по самому больному месту. Моя болезнь постепенно отступала, вот только на душе оставалась какая-то вялость, не хотелось ни двигаться. Каждый день я сидел взаперти, лишь изредка беседуя с Дун'эр и Чу Фэнляном. Но состояние здоровья Дун'эр не позволяло ей постоянно находиться со мной, а Чу Фэнлян был очень занят управлением

повседневными делами Черного Замка, поэтому большую часть времени я проводил в одиночестве — читал книги в комнате или спал.

Старший брат после моего выздоровления заходил ко мне очень редко. Если же он всё-таки выбирался, то чаще всего молчал, а лицо его то и дело омрачалось.

За ужином Чу Фэнлянь заговорил о событиях прошлых лет. Он рассказал, что тогда старший брат был тяжело ранен, двое суток провел без сознания и целых полгода восстанавливался, прежде чем поправился. С тех пор его характер стал еще более замкнутым, целыми днями он не раскрывал рта и больше не играл на Сяо.

Я понял, что он снова намекает, будто мне следует проявить инициативу и навестить старшего брата.

Но...

Я вздохнул. В той давней истории все уже отпустили обиду, и только старший брат никак не мог успокоиться. Наверное, потому, что ранило не только его тело, но и сердце.

Та боль, должно быть, врезалась в память старшего брата на всю жизнь.

Но когда обидчика наконец поймали, нельзя было ни отомстить, ни выплеснуть гнев. Напротив, за этого человека переживали, тревожились, боялись за него, окружали заботой и пускали в ход все хитрости.

Нельзя применить силу, нельзя показать слабость, нельзя давить, но и отпустить невозможно. А еще — эта невыплеснутая ярость, безответная любовь, безысходная печаль и незаживающая сердечная рана, которые наверняка терзали старшего брата день за днем, не давая ему покоя ни днем, ни ночью.

Гордость и самоуважение старшего брата тем более не позволяли выставлять эти чувства напоказ перед другими, особенно передо мной.

Старший брат не мог смотреть в глаза не мне — он не мог смотреть в глаза самому себе.

Ведь это у него на сердце лежал тяжелый груз! Если не выплеснуть его наружу, в конце концов он себя погубит.

Раз уж узел завязал я, мне его и распутывать. Как же поступить?

Я тихонько рассмеялся, но тут Чу Фэнлянь в испуге вскочил и быстро отступил к двери.

Фэнлянь, в чем дело? — озадаченно спросил я.

Т-третий молодой господин, вы так улыбаетесь... кхм, Фэнлянь зайдет через несколько дней, а завтра я пришлю Фэнци. — И он бросился бежать.

И как это я улыбнулся? Посмотрел в зеркало — по-моему, очень красиво.

На следующий день стояла такая душная и знойная погода, что нечем было дышать. С самого утра я уткнулся лицом в постель и даже шевелиться не хотел. Услышав, что кто-то снова вошел, я, не открывая глаз, вздохнул: Фэнци, я по-прежнему не хочу есть, можешь не возиться со мной.

Мысленно я с досадой сжал зубы: Чу Фэнлянь и правда больше не приходился, зато этот молчун заявлялся уже трижды, и ведь слова не скажет — точно решил меня заморить.

Вошедший тихо присел на край постели, и ледяные пальцы коснулись моего лица. Как же прохладно, как приятно! Я потерялся о его руку, точь-в-точь как ласковый котёнок, и, не размыкая глаз, пробормотал: Старший брат, у тебя такие ледяные руки.

Низкий смешок раздался над самым ухом, и старший брат лег рядом, заключая меня в объятия.

От него и впрямь веяло приятной прохладой, никакой испарины. Я еще сильнее прижался к его груди и блаженно вздохнул: Старший брат, что это за искусство такое? Научишь Му Жана?

Будешь нормально есть — научу.

Да у меня аппетит пропал! Ладно, забудь, учиться боевым искусствам так утомительно, к тому же у меня есть старший брат.

Я крепко прижался к нему, снова потерялся щекой и не удержался — просунул руку под его одежду, касаясь прохладной кожи. Тело старшего брата вдруг напряглось, а дыхание стало тяжелее.

Я открыл глаза и с внезапным ужасом осознал, насколько двусмысленно и соблазнительно выгляжу. Мои распущенные черные волосы раскинулись по постели и по его груди словно темный шелк, широкие одежды наполовину распахнулись, обнажая от недавних трений большой участок белоснежной кожи, а сам я, словно ленивый кот, свернулся калачиком в объятиях старшего брата.

Испугавшись, я попытался отстраниться, но старший брат властно прижал меня к себе.

Не двигайся. — Его голос звучал хрипло, в нем сквозила сдерживаемая боль.

Прости, старший брат. — Я снова прижался к нему, но мои губы случайно скользнули по голой коже у ворота его одежды.

В тот самый миг, когда старший брат резко судорожно втянул воздух, я молниеносным движением пальцев перекрыл его точки ци, а затем сменил тринадцать различных техник, чтобы запечатать тридцать шесть жизненно важных точек на его теле. После этого я поднялся, склонился над ним и сияюще улыбнулся.

Старший брат, Му Жану пора идти, ты ведь не будешь слишком сильно по мне скучать?

Я легко похлопал его по щеке, дошел до двери и обернулся.

Старший брат широко раскрыл глаза, и казалось, из них сейчас брызнет огонь.

Я подмигнул ему и сладко улыбнулся: Старший брат, ничего ведь страшного, если Му Жан выйдет на улицу вот так?

Я чуть взмахнул волосами и потянул за воротник одежды, обнажая грудь почти до половины.

На этот взгляд в его глазах едва не запеклась кровь.

Тихонько хихикнув, я запер дверь на засов и вернулся к постели. Он все еще сверлил меня

взглядом, но, казалось, немного сдал назад.

Я снял с него немоту и мягко произнес: Старший брат, Му Жан так не хочет уходить, что же делать?

Чего ты добиваешься? — глухо спросил старший брат.

Я забрался на кровать и нарочно потерся о его тело: Му Жан как раз думает об этом. Может, старший брат подкинет мне идею?

Старший брат крепко стиснул зубы, но не произнес ни слова. Я прильнула к его боку и посмотрела на него: Му Жань только что обнаружила, что старший брат так хорош собой. Если бы он мог почаще улыбаться, то непременно сразил бы наповал всех живущих на свете.

Он по-прежнему молчал, даже глаза закрыл.

Я развязала его одежду: Старший брат, у тебя такое прекрасное тело. Кожа гладкая, упругая — Му Жань так завидует.

Я легонько погладила его, пальцами пробежалась по мышцам, а губами коснулась чувствительного места на груди, едва касаясь его кончиком языка.

Все еще ни звука? Упрямый старший брат.

Раз старшему брату не нравится, когда я делаю так, то как насчет этого? — Моя рука скользнула ниже, обхватив ставшую твердой плотью, я почувствовала ее легкую дрожь и пульсацию.

Ты... убери... руку. — Голос, казалось, был выдавлен сквозь стиснутые зубы, дыхание становилось все более прерывистым.

Старший брат действительно хочет, чтобы Му Жань убрала руку? Как жаль, но я слушаюсь старшего брата.

Я сильно сжала его, а потом отпустила. Старший брат вскрикнул: Ах! — и судорожно задышал. Кожа его пылала, словно охваченная огнем, и от былой прохлады не осталось и следа.

Старшему брату сейчас очень жарко. Позволь мне помочь тебе. Видя, как мучается старший брат, я чувствую, как сжимается мое сердце. — Я нежно отерла пот с его лба.

Я никогда не прощу тебя! — Его лицо исказилось, он скрежетал зубами.

Видя его состояние, я побоялась перегибать палку. К тому же опасалась, что с его глубокой внутренней силой он скоро снимет блокировку с точек. Лучше вовремя остановиться. Я начала

одеваться, соблазнительно улыбаясь ему.

Старший брат не хочет, чтобы я помогала? Но тебе же сейчас так нелегко. Может, позвать кого-нибудь другого на помощь? — Я сделала вид, что собираюсь уйти.

Стой! Ты... чего ты в конце концов добиваешься?

Му Жань просто хотела помочь старшему брату. Если в будущем старший брат не станет винить Му Жань, я отпущу тебя.

Хорошо, не буду винить. Скорее освободи меня.

И не будешь ненавидеть Му Жань?

Не буду.

И не накажешь Му Жань?

Не накажу.

Хорошо. Му Жань уходит. Старший брат сможет сосредоточиться и быстро снимет блокировку с точек. Только помни: не винить меня, не ненавидеть меня, не наказывать меня.

Я наклонилась и поцеловала его, усмехнувшись: Старший брат, небось, за всю жизнь ни разу не был в таком жалком положении?

Я упорхнула прочь, не забыв при этом закрыть за старшим братом дверь.

До моих ушей донесся полный ярости и досады голос: Ты посмела вот так...

Выйдя, я бросилась к братьям Чу и, едва переводя дыхание, выпалила: Скорее... передайте всем, чтобы никто не приближался, когда глава крепости придет в ярость.

Не успела я договорить, как из моих покоев донесся оглушительный грохот. Чу Фэнлянь и Чу Фэнци помчались туда. Ох уж эти болваны! Боясь, что они пострадают, мне пришлось бежать следом.

Я увидела, что от моего двора остались одни руины, повсюду летели обломки. Старший брат стоял в центре, окутанный яростью, словно божество. Какое поразительное боевое искусство! Я съежилась, оглядываясь вокруг: хорошо, что сюда никому нельзя входить.

Чу Фэнлянь и Чу Фэнци стояли, вытаращив глаза. Прошло много времени, прежде чем они пришли в себя. Старший брат уже взмыл в воздух и помчался к горам — боюсь, теперь достанется всей местной живности.

Вскоре пошел сильный, проливной дождь.

К ужину старший брат вернулся. Он выглядел слегка утомленным, лицо его было бесстрастным, а взгляд — холодным и пронзительным. Одежда, промокшая от дождя, прилипла к телу. Помня мое недавнее предупреждение, все сидели молча.

Старший брат ни на кого не смотрел и ничего не говорил. Он сел и начал есть — было видно, что он ужасно проголодался.

Чу Фэнлянь посмотрел на старшего брата, потом на меня — на его лице читалось полное недоумение. В глазах Чу Фэнци тоже светилось беспокойство.

Я взглянула на Чу Фэнляня и, макнув палец в воду, написала на столе: Хочешь узнать, почему старший брат сердится?

Он поспешно закивал, подобострастно мне улыбаясь.

Я тоже сладко улыбнулась ему и громко произнесла: Старший брат, Фэнлянь хочет знать, почему ты сердишься?

Старший брат замер. Раздался щелчок — палочки для еды переломились пополам, а на меня упал опасный, пронзительный взгляд.

Чу Фэнлянь вскрикнул: Я ничего не говорил! — и стремглав выскочил наружу.

Я тихонько восхитилась, обращаясь к Чу Фэнци: Легкая походка твоего брата становится все лучше.

Чу Фэнци плотно сжал губы, поклонился и тоже вышел — небось пошел искать место, где можно вволю посмеяться.

Холодный взгляд старшего брата снова метнулся ко мне. У меня внутри все похолодело, я поспешно вскочила со словами: Фэнци, подожди...

Но не успела я сделать и шага, как мое тело оцепенело. Удар по точкам на расстоянии! Вот это мастерство владения пальцами.

Старший брат, ты... ты обещал не винить меня, не ненавидеть меня и не наказывать меня! — пролепетала я дрожащим голосом.

Верно. Но я и не говорил, что прощу тебя!

Старший брат легко подхватил меня на руки. Я закрыла глаза: ну вот, дело дрянь. Му Жань, о Му Жань, ты же такая умная, как же ты могла совершить такую глупость? Надо было заставить старшего брата дать расписку!— Старший брат, Му Жань знает, что виноват, старший брат, пощади Му Жаня. — Неужели теперь молить о пощаде было еще полезно?

Старший брат уложил меня на кровать и мягко произнес:

— Разве Жан-эр не жарко в такой одежде? Мой Жан-эр больше всего на свете боится жары, старший брат поможет тебе.

Одним резким движением он сорвал с меня одежду, и холодные руки скользнули по моей коже. Я вздрогнул и яростно уставился на него.

— Жан-эр холодно? Я совсем забыл, на улице идет дождь. Не бойся, старший брат сделает так, что Жан-эр согреется.

Его рука внезапно стала горячее, скользнула от груди вниз, пронеслась по животу и потянулась к...

Возмездие настигло меня так быстро. С трудом сдерживая дыхание и испытывая мучение, я злобно бросил:

— Старший брат нарушает свое слово!

Старший брат легко рассмеялся:

— Я вовсе не виню Жан-эра, и не затаил обиду, и не наказываю тебя. Раз Жан-эр так помог мне, как же старший брат может не баловать Жан-эра должным образом?

Обжигающе горячая рука сжала мою плоть и сдавила:

— Жан-эр ведь только что сделал именно так, верно?

Я громко вскрикнул и заплакал.

Старший брат остановился, вздохнул, снял с меня оцепенение от запечатанных точек, прижал к себе и стал мягко укачивать:

— Не плачь, не плачь.

Я продолжал плакать:

— Старший брат говорил, что будет хорошо ко мне относиться, а сам обижает Му Жаня.

В душе же я тайно ликовал: я ведь знал, что старший брат не сможет причинить мне вред.

Старший брат ошеломленно смотрел на меня, а затем долго-долго крепко прижимал к себе,

бормоча:

— Ты меня напугал. Я думал, что ты снова меня обманешь и опять сбежишь.

Его руки неудержимо дрожали, глаза даже покраснели и увлажнились:

— Больше никогда не смей так меня пугать.

То, что случилось много лет назад, до сих пор не давало ему покоя. Я обнял его в ответ, и слезы хлынули с новой силой.

Спустя долгое время старший брат ослабил хватку, но все еще продолжал удерживать меня в объятиях, спрашивая:

— Почему Жан-эр не ушел?

Я поднял на него взгляд, но ничего не ответил.

— Жан-эр ведь правда больше не уйдет, верно?

Я кивнул, прижимаясь к его груди.

Он снова крепко обнял меня, уткнувшись лицом в мои волосы. Медленно что-то потекло вниз, увлажнив мои пряди и падая на мои обнаженные плечи — прохладное. Неужели это были слезы? На сердце стало щемяще больно.

Мы так и сидели, прижавшись друг к другу, и никто ничего не говорил. Дождь на улице, казалось, утих, мерно и монотонно постукивая по окнам.

Старший брат вдруг рассмеялся — сначала тихо, потом все веселее и звонче, и в конце концов разразился раскатистым смехом.

Я тоже обнял его крепче, ощущая вибрацию его груди.

Старший брат наконец-то выплеснул всю скопившуюся внутри ярость, беспомощность, боль и растерянность, наконец-то отпустил прошлое и наконец-то поверил мне.

Этот метод назывался клин клином вышибать, и я точно знал, что он сработает.

Пока я предавался торжеству, смех старшего брата оборвался, и он произнес по слогам:

— Но я все равно тебя не пощажу.

Я только собирался заговорить, как мои губы были запечатаны поцелуем.

Мысленно я завопил: пропал!

Тот день закончился тем, что я три дня не мог выйти из комнаты. И все эти три дня, кроме старшего брата, я не видел ни души.

Три дня спустя срок моего заточения наконец истек, и я, возбужденный, хотел было с кем-нибудь поболтать, но обнаружил, что Дун'эр уехала в дом мужа ожидать родов, Чу Фэнлян при моем появлении тут же убегал, Чу Фэнци и вовсе не позволял мне приближаться, а старший брат запрещал видеться с остальными. Боже мой, я превратился в одиночку.

Хуже всего было то, что мое жилье разрушили, и мне пришлось поселиться у старшего брата. А он в эти дни словно не имел никаких забот, целыми дни проводя со мной, так что результат был вполне предсказуем.

Я воззрился на небеса с горьким вздохом, до чего же сильно я пожалел, что вздумал дразнить этого изнывающего без секса два года мужчину с подавляемыми желаниями.

Половину месяца спустя пришла весть, что Дун'эр родила сына, и мать, и ребенок чувствуют себя хорошо.

Мы так обрадовались, что собрались вместе, чтобы отпраздновать.

Видимо, вино придало храбрости, и Чу Фэнлянь наконец-то соизволил заговорить со мной.

Он подошел и, прежде чем заговорить, отвесил глубокий поклон:

— Третий молодой господин, если Фэнлянь в прошлом в чем-то перед вами провинился, пожалуйста, ни в коем случае не держите зла. Фэнлянь приносит свои извинения, и если в будущем поступки Фэнляня окажутся неверными, умоляю, обязательно укажите мне на это.

Я невинно захлопал глазами:

— Что с тобой, Фэнлянь? Ты ведь все эти дни избегал меня, Му Жань даже подумал, что в чем-то перед тобой виноват, и как раз собирался попросить Фэнляня рассказать об этом.

— Да у-уж... вовсе нет, Фэнлянь просто был слишком занят.

— Значит, Фэнлянь не сердится на меня, думая, что это я подстроил тебе ловушку?

Скривившись в натянутой улыбке, он скрипнул зубами:

— Разумеется, нет. Третий молодой господин так сдержан, вежлив и чист душой, как нефрит, как мог бы он кого-то подставить?

Я улыбнулся:

— Значит, ты наверняка знаешь, почему старший брат в тот день разозлился, расскажи мне, а?

Он, конечно же, ничего не знал, но мог попытаться угадать.

Лицо его исказилось от ужаса:

— Фэнлянь со-совершенно не знает.

Он робко бросил взгляд на старшего брата.

Старший брат привлек меня к себе, заткнул мне рот кусочком пирожного и тихо рассмеялся:

— Хватит мучить Фэнляня.

Чу Фэнлянь с облегчением выдохнул и снова произнес:

— Глава крепости, всё готово.

— К чему? — с любопытством спросил я.

— Мы отправляемся в Поместье князя Аньпина.

— Здорово! — воскликнул я. — Мы снова сможем увидеться с Дун Ли!

Я чуть не умер со скуки за эти дни.

<http://bllate.org/book/21137/2144049>